

КОГДА НАПИСАНА «ПОЭТИКА» АРИСТОТЕЛЯ?

Ключевые слова: древнегреческая философская проза, эстетика, Аристотель, Поэтика, Риторика.

В статье сведены вместе аргументы в пользу поздней датировки «Поэтики». Вопреки мнению части авторитетных исследователей (Дюринг, Буркерт) внешние свидетельства в комбинации с перекрестными ссылками императивно указывают на то, что Аристотель работал над «Поэтикой» в последний период своей жизни, живя в Афинах после 334 г. Это не исключает, что наблюдения над закономерностями литературного творчества записывались им и ранее. Однако окончательный вариант «Поэтики» (возможно, не законченный) создавался после «Политики» и до «Риторики». Доказательства ранней даты «Риторики» признаются недостаточными.

М. М. POZDNEV

St. Petersburg State University

**WHEN THE POETICS OF ARISTOTLE
WAS ACTUALLY WRITTEN?**

Keywords: Aristotle, Poetics, Rhetoric.

The chronology of the Aristotelian works fails to be supported by their proximity to or hostility towards Plato's philosophy. In fact, only two means of maintaining the chronological order are reliable, i. e. the cross-references (provided they are authentic) and the historical data mentioned. The notorious question of different chronological strata underlying Aristotelian treatises we try to put aside admitting that, although he may have worked life-long on the similar topics, the remaining versions are most close to publishable. The final author's revision of a given work should thus be considered as its actual creation. The cross references necessarily bring to the conclusion that the Poetics was created after the Politics and before the Rhetoric: the famous catharsis reference in the Politics is in future tense (which also seems to prove its authenticity); all six Rhetoric references are retrospective; the Poetics reference in ch. XIX, 1456 a 33: τὰ μὲν οὖν περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς κείσθω is either prospective or non-Aristotelian (παρεῖσθω, 1456 b 19, is definitely late and the other references to the Rhetoric elsewhere are missing; for additional evidence concerning relative chronology cf. Poet. 1454 b 17–18 and 1460 b 13–1). The absolute chronology

comfortably coincides with this: the Politics displays expectations pertaining to Alexander's reforms and conquests, and to prove that Rhetoric is late one only has to trace the dramatic political events of the early 30-ies hinted at. The Poetics is poor in external evidence of that kind. However, the high esteem of Theodectes and the absence of recommendations regarding satyrs as well as trilogies point at the second Athenian period of Aristotle. The philosopher could have derived inspiration from the impressive theatrical reform program of Lycurgus (reconstruction of the theatre of Dionysus, the edition of the three great tragedians). He may have even been involved in it and most certainly cherished hopes of reviving the art of tragedy which he saw in decline. The position of Düring, Burkert and others who argue that the Poetics and the Rhetoric (or their basic strata) were completed by Aristotle in the years of Academy should be abandoned. The early date of the Poetics tells nothing new about it, whereas the late date is not only better supported by the evidence, but also explains one of the most puzzling features of this treatise, that is, its prescriptive character.

Л. Я. Жмудю без гнева и пристрастия

В хронологии трудов Аристотеля сильным аргументом признается сходство или несходство высказанных философом концепций с мыслью Платона¹. Время «Поэтики» и «Риторики» привычноверяют тем же хронометром, причём на раннюю дату должно указывать или согласие, или расхождение с учителем². Как, однако, до-

¹ Беседы об этом с Л. Я. Жмудём обязали автора вникнуть в тему. Учимся у Леонида Яковлевича методу исследования, не доверяя авторитетам, как прогрессивные аристотелики Чинквеченто учились эмпирическому методу у Аристотеля, те же, кто слепо следовал его авторитету, оказались на ложном пути.

² «Der für die relative Chronologie der Poetik wichtigste Umstand ist die innere Verwandtschaft zwischen der Rhetorik und der Poetik in Sprache, Terminologie, Inhalt, Philosophie (?) und Atmosphäre (!). In beiden Schriften geht Aristoteles direkt von platonischen Positionen aus. In beiden Schriften ist er stark von Platon beeinflusst, verfehlt aber oft Ansichten, die denen Platons zuwiderlaufen» [Düring, 2005, S. 126]. Первые книги «Риторики» написаны при Платоне в силу идейного сходства [Düring, 2005, S. 132–133], тогда как «Поэтику» надо относить к годам в Академии по несходству эстетических идей учителя и ученика ([Düring, 2005, S. 161]; здесь встречаем утверждение: «Im Gegensatz zu Platon und in der volliger Übereinstimmung mit der althellenischen Tradition betrachtet Aristoteles die Dichter als die besten Lehrer des Volkes». Где же Аристотель пишет о поэтах как об учителях народа, да еще самых лучших? Какой уважающий себя теоретик литературы скажет подобное? «Пушкин — учитель русского народа»?) Книга Дюринга пестрит тезисами, требующими большей поддержки, чем категоричность ученого: «περὶ λέξεως ist nach der eigentlichen Ars rhetorica geschrieben» [Düring, 2005, S. 121]; «man muss sich vergegenwärtigen, dass Aristoteles nie ein Lehrbuch der Metaphysik geschrieben hat» [Düring, 2005, S. 592] и т. д. (не хочется умножать примеры, вызывающие в воображении картину спиритического сеанса).

казать, что именно за годы в Академии возникли наиболее близкие Платону философские конструкции Аристотеля? В поздних трудах *ipso facto* нельзя исключить единство: ведь не нарочно же с целью опровергнуть Платона создал Аристотель свою философию. И напротив, почему к первому периоду нужно относить полемические рассуждения? Письменно возражать такому учителю чаще начинают тогда, когда обаяние его личности меркнет, влияние ослабевает, замещаясь самостоятельно накопленным духовным опытом³. Тематическая близость мало помогает аргументации «от Платона»: когда бы вы ни писали, с кем другим соглашаться или полемизировать, если речь заходит о городе будущего, задачах искусства?⁴

Из дискуссий о датах «Метафизики», «Риторики» и «Поэтики» обычно выносятся впечатление невозможности датировать произведение в целом: какие-то части оформились при жизни Платона, другие — в годы странствий и македонского учительства, третьи — после основания Ликия. Ингемар Дюринг полагает, что «Поэтика» в исходной версии состояла из неких «не предназначенных для широкой публики заметок» [Düring, 2005, S. 125]⁵. Их

³ Думаем, поэтому Вернер Йегер, чье деление «Метафизики» на ранние и поздние слои методически обосновало новейшие работы по теме, полагал, что критика учения об идеях в «Альфе» не могла быть оформлена раньше первого отъезда из Афин: «Die Kritik an den Ideen mag schon zu Platons Lebenszeiten in Aristoteles ausgereift sein. Dass er sie in der Akademie und vor Platons Tode schon vortrug, glaube ich nicht» [Jaeger, 1912, S. 3]. По Йегеру, писания Аристотеля в массе хлынули сразу после смерти Платона, пиетет к которому запечатывал этот рог изобилия. В сравнении с нынешними участниками дискуссии ее архетип осторожнее: к годам Академии относит лишь немногие несохранившиеся произведения, написанные для широкой публики, в том числе диалог «Эвдем» и — последним — «Протрептик» [Jaeger, 1923, S. 27–38; 53]. О дате «Физики» осторожно: «um 347» [Jaeger, 1923, S. 311].

⁴ В числе доказательств ранней даты «Риторики» у Дюринга — связь трактовки удовольствия в «Риторике» с соответствующими разделами «Филеба» [Düring, 2005, S. 119]. Седьмую и восьмую книги «Политики» Экарт Шютрумф выделяет из состава трактата, относя к раннему периоду: одним из главных аргументов служат платоновские аллюзии [Aristoteles, 2012, S. XLIII–XLIV], с отсылкой к ранним работам автора. Шютрумф, впрочем, признает: «Die Argumentation „platonisch“ gleich früh, „unabhängig von Platon“ gleich spät ist zu undifferenziert, um verlässlich zu sein».

⁵ О стиле «Поэтики» читаем здесь же: «So wie in der Poetik schreibt (oder diktiert) ein Wissenschaftler, wenn er für seinen eigenen Gebrauch ein Thema ohne unnötigen Ballast behandeln wird». Очередная вкусовая оценка. Стиль для трактата отрывист, но для конспекта полон: не раз предполагалось, причем такими знатоками греческого, как Готфрид Герман, что «Поэтика» — совершенно готовая вещь.

объем, как и содержание, соотношение с имеющимся текстом, выяснить затруднительно: текст переработан, «durch Marginalnotizen und kleine Nachträge versetzt» [Düring, 2005, S. 126]⁶. Итак, «Поэтика», если и была написана рано, подверглась позднейшей правке. Спросим: ради чего? Публикация планировалась. Изданный вариант, в котором все отполировано, противоречия сглажены, стал бы окончательным. Если «Поэтика» — поздняя, тем более вероятно, что автор хотел довести ее до издания. Сохранившаяся версия стилистически и содержательно ближе всего к этому изданию, успел или не успел Аристотель завершить его. Значит, время оформления данного текста и является для нас временем создания «Поэтики».

В спорах о датировке больший вес, чем пересечения с Платоном или с другими произведениями Аристотеля (словно бы его обязывают легко терять или упрямо хранить преданность своим интересам и мыслям), имеют доводы исторического плана, которые соотносят философию с биографией философа. Так, согласно известным выводам А. И. Доватура, «Политика» создавалась с учетом педагогической деятельности Аристотеля в Пелле; работа над ней шла в одно время с восточным походом Александра⁷. И при написании последних книг «Политики», планируя идеальное государство, Аристотель мысленно сопровождал царя в его походе [Доватур, 1983, с. 47–50]⁸. Этим объясняется незавершенность: законодатель следил за ходом эксперимента. Объяснимы

⁶ Тут же автор объявляет в своем стиле: «Мы вынуждены довольствоваться тем, что девять десятых текста одного времени с “Риторикой”». Не видя других оснований для такой датировки, кроме обоняемой критиком «общей атмосферы» и т. п., мы вовсе не хотим этим довольствоваться.

⁷ В четвертой книге упомянут государственный муж, который «дал убедить себя» в необходимости устанавливать повсеместно «средний» государственный строй — лучший из всех доступных (1296 а 38–40). Аристотель говорит здесь об Александре и о своих уроках [Доватур, 1965, с. 46 и далее]. Вместе с упоминанием рокового покушения на Филиппа (1311 в 1–3) имеем решающее свидетельство поздней даты — что А. И. Доватур отстаивает с крайней осторожностью в своей монографии 1965 г. и гораздо решительнее в позднейшем, изданном через год после смерти ученого, предисловии к изданию «Политики» в переводе С. А. Жебелева (см. след. примеч.).

⁸ Идеальный полис мыслился Аристотелем как реализуемый: дан совет тщательно выбирать место (1326 в 26); правящий класс формируется из бывших воинов, чьими подданными станут земледельцы-варвары (1329 а 25).

и следы литературной отделки: раздел, имеющий ценность практического руководства, автор в первую очередь готовил к изданию.

Последние главы «Политики» касаются воспитания будущих граждан; говорится о значении музыки. Здесь упомянут «катарсис» и обещано разъяснить понятие в трактате о литературе (ἐν τοῖς περὶ ποιητικῆς ἐροῦμεν σαφέστερον: 1341 b 40). Для относительной хронологии значение свидетельства очевидно — при условии, что Аристотель говорит о «Поэтике». Похоже, так оно и есть: ἐν τοῖς περὶ ποιητικῆς подразумевает специальное сочинение скорее, чем литературный раздел какой-то другой вещи или продолжение «Политики». Характер ссылки («скажем яснее») указывает на планируемую работу. Редакторская вставка маловероятна. Едва ли редактор стал бы ссылаться в будущем времени, решив за Аристотеля, что «Политика» предшествует «Поэтике». Последовательностью, в которой сочинения Аристотеля дошли до наших дней, мы обязаны самому автору. И катарсис, действительно, присутствует в «Поэтике». Правда, обещание «сказать яснее» повисло в воздухе. Термин назван не вскользь, а в центральном, ударном месте, в исходе определения трагедии (1449 b 28: περαινουσα τὴν τῶν τοιοῦτων παθημάτων κάθαρσιν). Но дальше — тишина, об «очищении» ни слова. Куда оно делось? Не мог же автор забыть о нем. И неужели первые издатели Корпуса решили, да еще таким странным способом, выполнить за Аристотеля данное в «Политике» обещание? Видимо, философ сдержал-таки слово. В противном случае, зачем вообще было упоминать «катарсис страстей» в курсе поэтики, тем более акцентируя на этом внимание слушателя и читателя? Следовательно, нет причин отступать от общего мнения: текст «Поэтики» неполон, теория катарсиса утрачена. Кроме этого существуют другие свидетельства неполноты дошедшей «Поэтики»: Πραγματεία τέχνης ποιητικῆς в двух книгах из каталога Диогена Лаэртского (5, 24)⁹ и отсутствие в дошедшей версии раздела о комедии, обещан-

⁹ В арабском каталоге, возводимом к Птолемею Хенну, сочинение «О поэзии» также имеет две книги. Ποιητικὴ α каталога Диогена (5, 26), предположительно, является «Поэтикой» в том самом виде, в каком она дошла до нас, уже без второй книги. Подробно см.: [Позднев, 2010, с. 308; 570].

ного в начале (1449 b 21–22) и, очевидно, помещенного ближе к концу трактата. В «Риторике» дважды упомянут этот раздел: «о смешном определено отдельно в сочинении о поэзии»; «в сочинении о поэзии сказано, сколько типов смешного» (1372 а 2–3; 1419 b 6–7).

Подходим к острому моменту: если верить перекрестным ссылкам, «Риторика», которую Дюринг относит к годам в Академии [Düring, 2005, S. 119–125]¹⁰, создавалась после окончания «Поэтики», а значит и позднее «Политики». Конечно, многих подводит «das naive Vertrauen in den Wert der Querverweise», и неясно, к чему отсылает ἐν τοῖς πολιτικοῖς, когда в известной нам «Политике» ничего похожего не обнаруживается [Aristoteles, 2002, S. 185]¹¹. Однако «Риторика» *шесть раз* ссылается на «Поэтику» в прошлом (кроме мест о комедии есть ссылки на раздел о языке, гл. XX–XXII: 1404 b 27–28; 1405 а 5–6; ср. 1404 а 39; b 7–8).

В «Поэтике» также есть ссылка на «Риторику» (с. xix, 1456 а 33): τὰ μὲν οὖν περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς κεῖσθω. Место трудное. Кристоф Рапп, автор новейшего академического комментария к «Риторике», трактует: «was nun den Gedanken betrifft, so sei das in der *Rhetorik* Ausgeführte vorausgesetzt» [Aristoteles, 2002, S. 188]¹². Сходно и у Инграма Байюотера, одного из лучших за всю историю комментаторов «Поэтики»: «as for the Thought, we may assume what is said of it in our *Art of Rhetoric*» — что, казалось бы, противоречит ретроспективным отсылкам «Риторике». Здесь κεῖσθω означает «пусть будет взято за основу», «пусть будет принято». Так в привычном обрамлении аристотелевского трактата, когда κεῖσθω бывает тождественно ὑποκεῖσθω («положим», равное «предположим»), означая исходный тезис (An. 27 b 13; b 24 etc.; Phys. 236 а 18; Met. 1068 а 6; ср. для ὑποκεῖσθω: PA 689 а 12;

¹⁰ Третья книга была трактатом *Περὶ λέξεως*, созданным в Афинах вскоре после собственно «Риторике» и ставшим ее третьей книгой благодаря «редактору».

¹¹ Впрочем, ссылка на «Политику» в конце Rh. I 8 (1366 а 21–22), вопреки Раппу, не обязывает перечень государственных устройств в «Риторике» точно соответствовать классификации в «Политике».

¹² Еще определеннее у Инграма Байюотера: «As for the Thought, we may assume what is said of it in our *Art of Rhetoric*, as it belongs properly to that department of inquiry» [Aristotle, 1909, p. 55].

Pol. 1323 b 40; Sens. 447 a 17; Phys. 185 a 12)¹³. В цитируемых переводах Байуотера и Раппа ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς относится к группе подлежащего. Эллипс молчаливо восполнен за Аристотеля: «*what is said*», «*das Ausgeführte*», sc. ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς [εἰρημένα]. Ср., например, начало трактата «О восприятии и воспринимаемом» (436 a 5–6): τὰ μὲν οὖν εἰρημένα περὶ ψυχῆς ὑποκείσθω, περὶ δὲ τῶν λοιπῶν λέγωμεν, καὶ πρῶτον περὶ τῶν πρῶτων. Аристотель напоминает, что сущность и качества души были рассмотрены ранее, объявляет о новой теме, после чего возвращает к прежним выводам: «сказанное о душе пусть будет принято за исходное, об остальном же давайте скажем, причем начиная с главного». Звучит естественно, субъект τὰ εἰρημένα περὶ ψυχῆς и предикат ὑποκείσθω в равновесии. Но κείσθω «Поэтики», выдерживая вес подлежащего τὰ περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς, оказывается интонационно перегруженным, что вместе с отсутствием причастия создает впечатление неестественности. Ни одна рукопись не читает ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς εἰρημένα. Придется ставить крест или списывать странный синтаксис на конспективный стиль трактата. Другие понимают ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς предикативно, жертвуя обычным смыслом κείσθω у Аристотеля¹⁴. Недостаток здесь еще очевиднее: метафорическое κείσθω не отличается от предметного. «Касающееся рассуждения *пусть будет помещено* в «Риторике»» (как τράπεζα κείσθω: Soph. El. 362). Пространственное κείσθω подкрепляется, хотя слабо, следующей за спорным пассажем фразой: τοῦτο γὰρ ἴδιον μᾶλλον ἐκείνης τῆς μεθόδου («ведь это более свойственно ее [то есть «Риторики»] исследованию»). Однако

¹³ Ретроспективная отсылка обычнее в индикативе: καθάπερ ἐν τοῖς τοπικοῖς εἴρηται (An. Pr. 24 b 12); διώρισται μὲν οὖν περὶ τούτων ἐν τοῖς περὶ τὰς τῶν ζῶων κινήσεις (De caelo 284 b 13); κεῖται δὴ ἡμῖν τὴν τραγωδίαν τελείας καὶ ὅλης πράξεως εἶναι μίμησιν (Poet. 1450 b 23). Ср. приведенные выше ссылки «Риторики» на «Поэтику». Однако формами перфектного императива на -σθω (εἰρήσθω ταῦτα, διωρίσθω τοῦτον τὸν τρόπον) Аристотель, как знает каждый его читатель, любит заканчивать раздел (главу, книгу).

¹⁴ Каждый пытается обойти трудность по-своему: «the discussion of thought can be left to my discourses on rhetoric» [Aristotle, 1995, p. 97]; «let the exposition be available in, perhaps in the future» [Aristotle, 1968, p. 195]; «die διάνοια nun mag in der Rhetorik behandelt sein» [Vahlen, 1867, S. 213]; «exposita sunt et inde petantur» [Bonitz, 1870, S. 380], s. v. κείσθω: «exposita sunt et inde petantur»; ср. также: [Thielscher, 1948, S. 231].

κεῖσθω в контексте научной и философской дискуссий столь обычно (Plat. Soph. 250 e 5; Resp. 350 d 6; Leg. 689 c 6; 737 a 7; Theophr. Plant. 6, 1, 1; Plut. Quaest. 661 a 9 etc. etc.), что странно предполагать здесь «вещный» смысл. Параллелей такому κεῖσθω нет, апория кажется непреодолимой.

В заключении 19-й главы рассмотрение διάνοια предлагается «оставить в стороне как не относящееся к поэтике»: διὸ παρεῖσθω ὡς ἄλλης καὶ οὐ τῆς ποιητικῆς ὃν θεώρημα (1456 b 19). Перфектный императив παρεῖσθω засвидетельствован у писателей уже римского времени (впервые Polyb. 2, 56, 9; 2, 59, 3; много примеров, начиная с эпохи второй софистики). Быть может, τὰ περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς κεῖσθω также на совести Андроника и его соредакторов. Для них «Риторика» была готовым сочинением, но написанным после «Поэтики»; εἰρημμένα в их ссылке отсутствует, поскольку перфектное причастие со всей определенностью указывало бы в прошлое. Если спорное место все же принадлежит Аристотелю, отсутствие εἰρημμένα означает, что «Поэтика» и «Риторика» сочинялись параллельно. Как термин διάνοια определяется в контексте поэтики (1450 b 5: τὸ λέγειν δύνασθαι τὰ ἐνόντα καὶ τὰ ἀρμόττοντα), для риторики же имеет более общий смысл, означая любую аргументацию (1403 b 1)¹⁵.

Κεῖσθω, хотя бы и в привычном смысле, не отменяет, следовательно, ретроспективных отсылок «Риторике» к «Поэтике» и диктуемой ими последовательности. В «Риторике» имеются указания на многие прежние работы. Автор ссылается не только на «Поэтику» и «Политику», но, например, и на свое учение о силлогизмах (ἐν τοῖς συλλογισμοῖς: 1355 a 30), и на «Софистические опровержения» (1402 a 3). Между тем ни один из прочих трудов не отсылает к «Риторике» — пространному сочинению, охватывающему многие темы (умозаключение, порядок доказательства, эмоции и характеры, язык и стиль). Напрашивающийся вывод: «Риторика» является последним из сохранившихся трактатов Аристотеля, посвященных искусству убеждать и словесному творчеству.

¹⁵ По мнению Дюринга, слова καὶ ὅλως τῶν περὶ τὴν διάνοιαν (Rh. 1403a35–b1, в конце 2-й книги) дописаны редактором с учетом разбираемого места «Поэтики» [Düring, 2005, S. 118]. Лукас, хотя и переводит κεῖσθω проспективно (см. предыдущее примеч.), указывает, что отсылка к прошлому подразумевала бы наличие в «Риторике» нескольких «слов» [Aristotle, 1968, p. 195].

Доказательство ранней даты «Риторики» обременительно даже для ученых с мировым именем. По мнению Вальтера Буркерта, упоминание актеров Теодора и Филемона — их расцвет приходится на конец 70-х гг. — рассчитано на тех, кто незадолго до того слышал их голоса в театре [Burkert, 1975, S. 67–68]. Малоубедительный аргумент. Оба пассажа имеют мемуарный характер. Манера игры Теодора была естественнее, чем у других актеров, а Филемону прекрасно удавались анафорические повторы в монологах: οἶον ἢ Θεοδώρου φωνὴ πέπονθε πρὸς τὴν τῶν ἄλλων ὑποκριτῶν· ἢ μὲν γὰρ τοῦ λέγοντος ἔοικεν εἶναι, αἱ δ' ἄλλότρια (III 2, 1404 b 22–24); οἶον καὶ Φιλήμων ὁ ὑποκριτῆς ἐποίει ἐν τε τῇ Ἀναξανδρίδου Γερωντομαχίᾳ, ὅτε λέγοι “Ραδάμανθυς καὶ Παλαμήδης, καὶ ἐν τῷ προλόγῳ τῶν Εὐσεβῶν τὸ “ἐγώ” (III 12, 1413 b 25–27) — всё в плане прошедшего. Так вспоминают больших актеров прошлого: «Гамлет Смоктуновского с его вкрадчивыми интонациями...» В 26-й главе «Поэтики» Аристотель пишет об актерах V в., которых сам видеть не мог, о Минниске и Каллипиде: один обзывал другого обезьяной (1461 b 34–35).

Столь же эфемерны другие доводы школы Дюринга и Буркерта. Указывают на пересечения с «Топикой», созданной в годы Академии¹⁶. Но при обсуждении смежных вопросов иначе и не бывает: сходство обусловлено содержательной близостью. Argumentum ex silentio: в «Риторике» всего трижды встречается Демосфен (1397 b 7; 1401 b 33; 1407 a 5, причем лишь в последнем случае как оратор)¹⁷. Но у Стагирита, даже независимо от его македонских симпатий и персидских антипатий, были свои предпочтения. Горгий лучше годился в примерах и привлекается семь раз, а Лисий, которого, как и Демосфена, считают символом аттического красноречия, не привлекается вовсе. Так и в «Поэтике» почти отсутствует

¹⁶ Решающим доказательством ранней даты «Риторики», по мнению Дюринга, служит тематическая близость «Тописке» и кн. VII «Физике», а также связь с интересами Академии [Düring, 2005, S. 121].

¹⁷ Там же. Когда Аристотель писал кн. II «Риторики», Демосфен, якобы, еще не успел прославиться. Доватур приводит похвальное упоминание Демосфена в «Риторике» (в ущерб его политическим оппонентам: 1401 b 31) как одно из доказательств того, что неодобрение поступков или идейных установок человека не мешало Аристотелю-теоретику уважать его талант [Доватур, 1965, с. 91].

Эсхил. Ученики Платона спорили с Исократом. Именно в Академии — указывают нам — теория красноречия была актуальна для Аристотеля. Он отстаивал позицию учителя публично, читал лекции о теории ораторского искусства, и в первой книге «Риторики» ощутим полемический пафос [Aristoteles, 1965, S. 183, со ссылкой на Ф. Зольмсена]. Но откуда известно, что полемика тех лет утратила для него общетеоретическую ценность? Да и упоминает он Исократу всегда не с целью оспорить, а наоборот, чтобы похвалить, приведя в пример (1368 а 20: достоинством оборачивается даже непривычка к судоговорению; 1399 а 2–6; 1408 b 15; 1411 а 29–30 etc.).

На другой чаше весов более веские аргументы исторического свойства¹⁸. В третьей книге многократно цитируется «Филипп» Исократу, созданный в 346 г. За позднюю дату говорят рассеянные по тексту второй и третьей книг реминисценции исторических событий вплоть до 336 г. (διδόναι γῆν καὶ ὕδωρ δουλεύειν ἐστίν, καὶ τὸ μετέχειν τῆς κοινῆς εἰρήνης ποιεῖν τὸ προσταττόμενον: ясно, что именно такой «общий мир» получили греки после Херонеи: 1399 b 12). Один пример взят из речи послов Филиппа к фиванцам в 339 г. (1397 b 34–98 а 2); есть недвусмысленный намек на поражение Афин в войне с Македонией, которое провоцировало обвинения в адрес Демосфена (1401 b 32–34). Перечисленное позволяет Полю Моро и его последователям приписывать «Риторику» позднему Аристотелю [Moraux, 1951, p. 317]. Сторонникам теории авторских вставок напомним комментарий А. И. Доватура к месту о покушении на Филиппа в «Политике»: «Законченное и хотя не забытое, но оставленное в стороне произведение едва ли требовало внесения в него одного дополнительного исторического примера» [Доватур, 1983, с. 50]. Автор редко возвращается к готовой вещи не только ради одного, но и ради нескольких свежих примеров. Лучше оставить читателям и слушателям возможность самим

¹⁸ Заняты «биографический» аргумент Дюринга: образы, которые Аристотель видел на двух картинах в зале Академии (Сократ и Каллий), присутствуют в Rh. I 2 и II 4. Следовательно, он читал все это там (показывая пальцем на стену?) [Düring, 2005, S. 120]. Допустим, «Сократ в белой одежде» или «Каллий», соседствующий в тексте с «Сократом», сошли в «Риторику» с картины. Многие годы глядя на одни и те же изображения, наверное, запомнишь их навсегда. Слушавшие Аристотеля в Ликее бывали и в Академии. Или после 347 г. картины сняли со стен?

добавить схожее и очевидное: в суггестивном плане такой ход выгоднее нагнетания однородного материала.

Позиция К. Раппа, лучшего знатока «Риторики» Аристотеля, в целом совпадает с мнением А. И. Доватура относительно хронологии «Политики»: собирание и осмысление нового материала вносило существенную правку в ранние версии. Мнение Раппа: «Dass verschiedene Teile des Werks auf verschiedene Entstehungszeiten hinweisen, dürfte schlicht und einfach eine Folge des bekannten Umstandes sein, dass es sich bei der *Rhetorik* — wie bei vielen anderen der Aristotelischen Schriften — um einen Text handelt, der Aristoteles' Lehrtätigkeit zugrunde lag und bei späteren Vorlesungen über denselben Stoff ergänzt und überarbeitet wurde» [Aristoteles, 2002, S. 178]. Доватур также допускает «возможность мелких, средних и крупных переделок, дополнений, новых редакций сочинения в целом или его разделов» [Доватур, 1983, с. 51]. Едва ли стоит продолжать анализ динамики, отшелушивать «ядро» от «слоев». Ведь не исключено, что «Прото-Поэтика» («Прото-Риторика», «Прото-Политика») — плод воображения исследователей. Возможно, существовали черновики, массивы текста, переработанные и включенные в позднейшие сочинения: в «Поэтику» отдельными главами входит раздел трактата о языке и часть «Гомеровских вопросов»; вторая книга включала материал диалога «О поэтах». Однако чтение релевантных текстов с вниманием к их относительной хронологии подводит к убежденности в том, что «Поэтика» следовала за «Политикой», предшествуя «Риторике», и что подготовка к публикации, придавшая трактату окончательный вид, осуществлялась уже в годы Ликия. Для литературы — читаем в гл. XXV — невозможно установить строгие правила. «Правильность в политике не та же, что в поэтике; и в любом другом искусстве она иная, чем в поэтике» (1460 b 13–15). Почему для первого сравнения выбрано искусство политики? В музыке или медицине правила куда строже. Не потому ли, что курс поэтики, как и обещано, шел сразу за курсом политики? Пример политики, не лучший, но ближайший, вспомнился сам собой. В «Поэтике» встретим и отсылку к опубликованным работам: «об этих вещах достаточно сказано в изданных сочинениях» (εἴρηται δὲ περὶ αὐτῶν ἐν τοῖς ἔκδεδομένοις λόγοις ἰκκωνῶς: 1454 b 17–18). Нам важен не столько адрес (очевидно, ди-

алог «О поэтах»), сколько небрежный тон ссылки: так ссылаются, когда за плечами известность.

Переходя к абсолютной хронологии, снова увидим, что авторитетное мнение Дюринга, относившего «Прото-Поэтику» к годам в Академии, имеет под собой зыбкую почву. Конечно, и в числе комментаторов «Поэтики» есть защитники ранней даты, такие как Джералд Элс [Else, 1972, pp. 55–57; Else, 1986, pp. 67–73, 205–212]¹⁹, влиятельный же Стефен Халливелл с осторожностью агностика допускает любую [Halliwell, 1986, pp. 329–330]. Создание «Прото-Поэтики» в первый афинский период доказывается характерным (см. выше) способом: философия искусства Аристотеля была ответом на критику Платона²⁰. Пусть так, почему ответ непременно следовало высказать учителю в лицо? Платон в «Поэтике» не упоминается, хотя в числе произведений, подпадающих под определение литературы, названы Σωκρᾶτικοὶ λόγοι, жанр, наиболее полно и выразительно представленный творениями Платона (1447 b 9–11). «Сократические беседы» стоят в одном ряду с мимами Ксенарха и Софрона, которого Платон любил перечитывать (D. L. 3, 18). Так, с долей иронии, Аристотель похвалил в Платоне писателя. Юношей или пожилым человеком? Не умеем ответить. Для первой книги «Метафизики», где в контексте критики учения об идеях философия партиципации объявлена «пустословием и поэтическими метафорами» (991 a 21–2), трудно принять раннюю дату, но если даже «Альфа» — ранняя²¹, автор всегда мог вер-

¹⁹ В подавляющем большинстве известных комментированных изданий «Поэтики» (Байуотер, Гудеман, Ростаньи, Лукас и др.; комментарий Элса, вызвавший критику, не относится к классическим), принята поздняя дата.

²⁰ См. примеч. 2. За строками «Поэтики» просматривается не образ Платона, а творческая биография ее создателя. История трагедии в главах IV и XIII представлена как постепенное проявление in actu наличного in potentia драматического начала, то есть в духе учения об энергии и энтелехии, существенного для натурфилософии Аристотеля. Пассаж об узнании по умозаключениям и все рассуждение о силлогизмах / паралогизмах в главе XVI отсылает к его логике.

²¹ На что нет никаких указаний; семь ссылок на «Физику», равно как и пересечение с «Поэтикой» (то же: Met. N 1090 b 19–20 и Poet. 1451 b 34), ничего не дают для хронологии. Дюринг с его привычкой думать, будто Аристотель уехал из Афин, написав едва ли не все свои труды, кроме естественнонаучных, пишет «ziemlich früh, vor My 1–9 und vor dem Protrephtikos» [Düring, 2005, S. 261]. Высказываем здесь признательность А. Л. Верлинскому, объяснявшему нам, в чем польза пытливости при хронологическом анализе «Метафизики».

нуться к понравившейся ему мысли и сказать о Платоне-писателе в иной связи (и в совершенно ином тоне, без запальчивости).

Как и Σωκρᾶτικοὶ λόγοι, трагедии Херемона, Астидаманта, Теодекта, Полиида, Клеофонта, Сфенела свободно привлекаются Аристотелем для примера: теория литературы обязана учитывать новейший материал. Из «Риторики» знаем о популярности Херемона у *читателя*: Херемон и Ликимний создают «удобочитаемые» произведения, их «не выпускают из рук» (1413 b 12–16 βαστάζονται δὲ οἱ ἀναγνώστικοί κτλ). И Аристотель говорит, что хорошую трагедию достаточно прочесть, чтобы оценить ее достоинства (1462 a 11–13). Литературные соображения, указывающие на середину IV в., для точных хронологических дистинкций, конечно, недостаточны. Все названные драматурги начали писать еще до первого отъезда Аристотеля из Афин. Театральная карьера Теодекта, которого Аристотель очень ценит (Poet. 1455 a 8–12; b 29), началась около 453 г. (речь-трагедия «Мавзол», прочитанная им в Галикарнасе на литературном состязании, устроенном Артемисией в память о муже²²). Суда s. v. свидетельствует: ῥήτωρ, τραγεῖς δὲ ἐπὶ τραγωδίας. Когда *τραγεῖς*, неизвестно. Если верить Суде, Теодект был учеником Исократы, Платона и *Аристотеля*, автором 50 трагедий, восьмикратным победителем. Умер, вероятно, после 40 г.: в 334 г. Александр увенчал его статуя в Фаселисе (Plut. Alex. 17). Познакомился с Аристотелем, надо думать, при жизни Платона, к драматургии же обратился за пять-шесть лет до его смерти. Расцвет и слава трагика — в следующее десятилетие. Две трагедии — «Линкей» и «Тидей» — цитируются в «Поэтике» с именем Теодекта; ему же, вполне вероятно, принадлежат «Финеиды», цитируемые, хотя без имени, в одном ряду с «Тидеем» (1455 a 10). Пример из «Филоктета» находим в «Никомаховой Этике» (1150 b 9), пассаж «Елены» приводится в «Политике» (1255 a 36–38), еще три трагедии — «Алкмеон», «Аякс» и «Орест» — в порядке экземплификации положений «Риторики» (1397 b 2–6; 1399 b 29–31; 1400 a 27–29; 1401 a 35–1401 b 2). Легко ли с нашими знаниями о Теодекте поверить, что упомянутые Аристотелем в «Поэтике» и «Риторике» пьесы сочинены, постав-

²² «Das Werk war offenbar eine Überraschung, eine der ältesten dramatischen Versuche des T.» [Solmsen, 1934, Sp. 1724].

лены, заслужили известность и учтены в трудах Аристотеля после 353, но еще до 347 г.?

Как в общей теории литературы, так и сообщая рецепты идеальной драмы, Аристотель полностью игнорирует сатиров. Его программа включает только трагедию, эпос и комедию. Сатирическая драма вспоминается однажды, в чисто умозрительной историко-литературной ретроспективе, как тень далекого прошлого, когда трагедия не успела полностью отделиться от «сатирического начала» (философ представляет трагедию и сатиров на заре истории драмы сплоченными в некий общий жанр: 1449 а 20–23). В 341 г. Астидамант впервые победил с трилогией, то есть без сатиров. Перестав быть обязательным элементом программы Великих Дионисиев, драма сатиров уходила в историю. А в следующем году тот же прославленный Астидамант — вероятно, в силу своей исключительной популярности — мог выступить и победить всего с двумя трагедиями (С. I. A. II 973)²³. И о трилогиях, их построении, композиционной или эмоциональной связи трех трагедий цикла в «Поэтике» нет ни слова.

Живя в Афинах после 334 г., Аристотель становится свидетелем предпринятого Ликургом строительства театра Диониса и переиздания для повторных постановок произведений трех великих трагиков, чьи статуи должны были украсить новый театр. В кодификации классических трагедий Аристотель как историк театра мог участвовать и сам. Предполагаем, что «Поэтика» составлялась и редактировалась в ходе этой деятельности, под впечатлением театральных мероприятий Ликурга [Позднев, 2010, с. 652–653]. Абсолютная хронология не противоречит относительной: окончательная редакция, иначе говоря, создание трактата о литературе имело место в последнее десятилетие жизни Стагирита.

Предположив раннюю дату, не дополним наших знаний о «Поэтике» и ее авторе ничем, кроме (требующего доказательств *per se*)

²³ Оба важных для истории театра факта замечены Францем Зуземилем [Susemihl, 1899, S. 631]. Конечно, сатиров (нередко «старых», написанных классиками афинского театра) и трилогии ставили еще многие десятилетия: свидетельства надписей III–II вв. до н. э. отнюдь не единичны, и даже Гораций признает сатирическую драму живой, или, по крайней мере, не теряет надежды на ее возрождение (cf. Ars. 225sq. et Porphyg. ad loc.) Важно, что трагикам перестают вменять в обязанность сочинение, а антрепренерам — постановку четырех и даже трех пьес. Аристотель, похоже, сочувствует переменам.

желания возразить Платону. Напротив, именно в том случае, если «Поэтика» написана после 334 г., дата создания действительно важна для понимания намерений создателя и общего характера памятника, и значит, только в этом случае разговор о хронологии вообще имеет смысл²⁴. «Поэтика» по композиции сходна с «Политикой». Предмет рассмотрен сперва как данность, для чего накоплен весь доступный сравнительный материал. После описательной части — нормативная: идеальное государство, лучшая трагедия. Подобно «Политике», «Поэтика» имеет незаконченный характер, и неизвестно, насколько полной была версия, не пережившая античности. Критик пытается изобразить перспективы трагедии, исходя из современной литературной жизни. Он жил в эпоху перехода к новой общественной модели и сам пытался участвовать в создании этой модели. Его конструкция мусического воспитания в «Политике» направлена на реальное общество, его советы драматургам осуществимы. Нельзя воспринимать как монолит ни «Политику», ни «Риторику», ни «Поэтику». Их темы занимали философа с юных лет и до конца жизни. Вместе с тем подготовка издания «Поэтики» в поздний период объясняет, почему Аристотель не ограничился определением и классификацией литературных феноменов. Изданная «Поэтика» стала бы не только регистрацией, но и планом развития литературы, литературной программой философа, смотревшего в будущее²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965. 393 с.
2. *Доватур А. И.* «Политика» Аристотеля // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

²⁴ Согласно с мнением Дюринга: «Wer den Versuch macht, die relative Chronologie der Schriften zu bestimmen, muß immer wieder den erst noch zu beweisenden Satz als Beweisgrund benutzen. Wenn ich trotzdem den Versuch mache, dann deshalb, weil nach meiner Überzeugung eine Arbeitshypothese über die chronologische Abfolge seiner Schriften eine notwendige Voraussetzung für die Einzelinterpretation der Schriften ist» [Düring, 2005, S. 43–44].

²⁵ Ответ резонному недоумению Гельмута Флашара: ради чего Аристотель дает советы трагикам, «ungeachtet der Tatsache, daß die Zeit der großen Tragödien vorbei war» [Flashar, 1974, S. 36].

3. Позднев М. Психология искусства: учение Аристотеля. СПб.; М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
4. Aristotle. On the Art of Poetry / a revised text with critical intr., transl. and comm. by I. Bywater. Oxford, 1909. XLVII, 387 p.
5. Aristotle. Poetics / ed. and transl. by S. Halliwell. London: Harvard University Press, 1995. 533 p.
6. Aristotle. Poetics / ed. with intr. and comm. by D. W. Lucas. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1968. XXVIII, 313 p.
7. Aristoteles. Politik / Übers. und mit einer Einl. sowie Anm. hrsg. von E. Schütrumpf. Hamburg: Meiner, 2012. LXVI, 354 c.
8. Aristoteles. Rhetorik / Übers. und erläutert von Chr. Rapp. 1. Hb. Berlin: Akademie Verlag, 2002. 1007 S.
9. Bonitz H., Index Aristotelicus. Berlin: Reimer, 1870. 878 p.
10. Burkert W. Aristoteles im Theater. Zur Datierung des 3. Buches der «Rhetoric» und der «Poetic» // Museum Helveticum. Bd. 32. 1975. S. 67–72.
11. Düring I. Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens. 2e Aufl., Nachdruck der Ausg. von 1966. Heidelberg: Winter, 2005. XV, 670 p.
12. Else G. F. The Structure and Date of Book 10 of Plato's *Republic*. Heidelberg: Winter, 1972. 74 S.
13. Else G. F. Plato and Aristotle on Poetry. Chapel Hill: University of North Carolina Press; London, 1986. XXI, 221 p.
14. Flashar H. Aristoteles und Brecht // Poetica. № 6. 1974. S. 36.
15. Jaeger W. Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphysik des Aristoteles. Berlin, 1912. S. 131–148.
16. Jaeger W. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin: Weidmann, 1923. 438 S.
17. Halliwell S. Aristotle's *Poetics*. London: Duckworth, 1986. XI, 69 p.
18. Moraux P. Les Listes Anciennes des Ouvrages d'Aristote. Louvain: Éditions Universitaires, 1951. X, 391 p.
19. Solmsen F. Theodectes // Realencyclopädie. Bd. VA-10. 1934. S. 1726–1727.
20. Susemihl F. Kleine Beiträge zur Geschichte der griechischen Tragödie // Rheinisches Museum. Bd. 54. 1899. S. 473–476.
21. Thielscher P. Die relative Chronologie der erhaltenen Schriften des Aristoteles nach den bestimmten Selbstzitatzen // Philologus. 1948. Bd. 97. S. 229–265.
22. Vahlen J. Beiträge zu Aristoteles' Poetik. Teil III. Wien: Gerold in Komm., 1867. S. 213–439.

REFERENCES

1. Dovatur A.I. *Politika i Politii Aristotelia* [Aristotle's Politics and Politeia]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 393 s.
2. Dovatur A.I. «*Politika*» *Aristotelia*. [Aristotle's Politics] Aristotel'. So-branie sochinenii v 4-kh t. [Aristotle: Collected Works, in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. T. 4. 830 s.
3. Pozdnev M. *Psikhologiiia iskusstva: uchenie Aristotelia* [Psychology of Art: Aristotle's Thought]. Saint Petersburg; Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2010. 816 s.
4. Aristotle. *On the Art of Poetry*, a revised text with critical intr., transl. and comm. by I. Bywater. Oxford, 1909. XLVII, 387 p.
5. Aristotle. *Poetics*, ed. and transl. by S. Halliwell. London, Harvard Uni-versity Press, 1995. 533 p.
6. Aristotle. *Poetics*, ed. with intr. and comm. by D.W. Lucas. Oxford, Clarendon Press; New York, Oxford University Press, 1968. XXVIII, 313 p.
7. Aristoteles. *Politik*. Übers. und mit einer Einl. sowie Anm. hrsg. von E. Schütrumpf. Hamburg, Meiner, 2012. LXVI, 354 S.
8. Aristoteles. *Rhetorik*, Übers. und erläutert von Chr. Rapp. 1. Hb. Berlin, Akademie Verlag, 2002. 1007 S.
9. Bonitz H. *Index Aristotelicus*. Berlin, Reimer, 1870. 878 p.
10. Burkert W. Aristoteles im Theater. Zur Datierung des 3. Buches der «Rhetoric» und der «Poetic». *Museum Helveticum*. Bd. 32. 1975. S. 67–72.
11. Düring I. *Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens*. 2e Aufl., Nachdruck der Ausg. von 1966. Heidelberg, Winter, 2005. XV, 670 p.
12. Else G. F. *The Structure and Date of Book 10 of Plato's Republic*. Heidel-berg, Winter, 1972. 74 S.
13. Else G. F. *Plato and Aristotle on Poetry*. Chapel Hill, University of North Carolina Press; London, 1986. XXI, 221 p.
14. Flashar H. Aristoteles und Brecht. *Poetica*. № 6. 1974. S. 36.
15. Jaeger W. *Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphysik des Aristote-les*. Berlin, 1912. S. 131–148.
16. Jaeger W. *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin, Weidmann, 1923. 438 S.
17. Halliwell S. *Aristotle's Poetics*. London, Duckworth, 1986. XI, 69 p.
18. Moraux P. *Les Listes Anciennes des Ouvrages d'Aristote*. Louvain, Éditions Universitaires, 1951. X, 391 p.
19. Solmsen F. Theodectes. *Realencyclopädie*. Bd. VA-10. 1934. S. 1726–1727.
20. Susemihl F. Kleine Beiträge zur Geschichte der griechischen Tragödie. *Rheinisches Museum*. Bd. 54. 1899. S. 473–476.

21. Thielscher P. Die relative Chronologie der erhaltenen Schriften des Aristoteles nach den bestimmten Selbstzitate. *Philologus*. 1948. Bd. 97. S. 229–265.
 22. Vahlen J. *Beiträge zu Aristoteles' Poetik*. Teil III. Wien, Gerold in Komm., 1867. S. 213–439.
-

Позднев Михаил Михайлович

Доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Mikhail Pozdnev

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: drpozdnev@yandex.ru